

ИСТОРИЯ ИНЖЕНЕРНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ЦЕНТРА

И
З
М
Е
Р
Е
Н
И

ЧЕТВЕРТОЕ

Ирина Яковлева

Четвертое измерение

<https://litres.ru/74449503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четвертым измерением называют время, в котором существует наш трехмерный мир. Оно вмещает в себя события, судьбы, целые эпохи, объединенные общим направлением движения – из прошлого в будущее. Поэтому любое наше действие есть посыл в день завтрашний.

Именно в этом видят смысл своей деятельности в Инженерно-производственном центре. Результат творческого труда бугульминских специалистов – трубопроводы, проложенные в линейном пространстве, реальных географических координатах и природных ландшафтах, тоже построены для того, чтобы жить в будущем. Эти инженерные сооружения предназначены детям и внукам как один из способов сохранить и улучшить мир, в котором они будут жить.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЮ	5
ЧАСТЬ 1	7
Глава 2	18
Глава 3.	25
Глава 4.	37
Глава 5.	47
Глава 6.	58
Глава 7.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ирина Яковлева

Четвертое измерение

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Четвертым измерением называют время, в котором существует наш трехмерный мир. Оно вмещает в себя события, судьбы, целые эпохи, объединенные общим направлением движения – из прошлого в будущее. Поэтому любое наше действие есть посыл в день завтрашний.

Именно в этом видят смысл своей деятельности в Инженерно-производственном центре. Результат творческого труда бугульминских специалистов – трубопроводы, проложенные в линейном пространстве, реальных географических координатах и природных ландшафтах, тоже построены для того, чтобы жить в будущем. Эти инженерные сооружения предназначены детям и внукам как один из способов сохранить и улучшить мир, в котором они будут жить.

К ЧИТАТЕЛЮ

Слово «бизнес» вошло в обиход российского гражданина в начале девяностых годов прошлого века. Оно сложно приживалось на нашей почве, и не столько из-за своего иностранного происхождения, сколько из-за смысла, который несло это понятие. «Деятельность, направленная на получение прибыли» - такое определение было органически чуждо менталитету советского человека, слуху которого были куда приятнее привычные синонимы - «дело», «занятие», «предприятие»...

Однако обстоятельства того кризисного десятилетия требовали не только свободы действий, но и свободы мысли. В частный бизнес шли самые энергичные, смелые... или отчаявшиеся. Без раздела государственной собственности, без нефти и газа, буквально с нуля они создавали сотни успешных фирм, занимающихся всем, от производства продуктов питания до высоких IT-технологий, от разработки инновационных материалов до пошива приличной одежды. Эти фирмы преодолели периоды экономического спада и политических перемен, став сегодня одним из триггеров увеличения промышленного потенциала страны.

Книга поможет читателю узнать и понять, как это происходило, познакомиться с неординарными людьми, взявшими на себя ответственность за свои семьи, поднявших престиж

своей профессии и внесших большой вклад в модернизацию нефтедобывающей отрасли. А это значит – принять и полюбить отечественный бизнес.

ЧАСТЬ 1

СВОЯ ИГРА

Глава 1

Тяжкое бремя свободы

За его спиной, привычно скрипнув, плотно впечаталась в косяк массивная входная дверь института. Айдуганов прищурился от бьющего в глаза солнца, сделал глубокий вдох-выдох и решительно шагнул с крыльца в уличный поток.

Третий корпус Татарского научно-исследовательского проектного института нефти располагался в центре города. Впрочем, здесь же, на улице Джалиля, находился и весь комплекс зданий этой мощной научной и проектно-изыскательской базы, более тридцати лет исправно решавшей актуальные проблемы нефтедобычи на промыслах «второго Баку». Последние семь лет для Вячеслава Михайловича улица была лишь фоном, который он едва замечал, торопясь по утрам за свой рабочий стол, заваленный папками чертежей, документов, расчетов. Сейчас же он неторопливо шел по влажному после мимолетного майского дождя тротуару, и ему нравилось гулять в этот не предназначенный для безделья рабочий день.

Айдуганов решил пройтись пешком до дома. Чтобы про-

длить удовольствие от прогулки, по пути свернул в небольшой сквер. Парочка голубей перелетела на траву, уступив ему скамейку. Вячеслав Михайлович сел, удобно вытянув ноги. Низкий голос Виктора Цоя возвестил появление на противоположном конце сквера подростков с обязательным в последние годы молодежным реквизитом - кассетным магнитофоном:

Перемен требуют наши сердца,

Перемен требуют наши глаза...

Вячеслав Михайлович, давно вышедший из возраста его неожиданных визави, ничего не имел против культового рок-музыканта. Да и песня была в ритм его мыслям:

В нашем смехе и в наших слезах,

И в пульсации вен

Перемен! Мы ждем перемен.

Его немалый жизненный опыт свидетельствовал о том, что чаще всего перемены назревают извне, независимо от человека, но последний шаг должен сделать ты сам. Или не сделать, если не хватает решимости изменить ситуацию. И потом, возможно, жалеть об этом, упрекать себя за трусость. Айдуганов никогда не боялся перемен, и ему не за что корить себя, даже сейчас. Хотя, возможно, в глазах многих он выглядел странно: мужчина без малого сорока лет, отец семейства и признанный в своей области специалист, Заслуженный рационализатор СССР и номинант на Государственную премию, внезапно увольняется из одного из ведущих в

стране НИИ. Уходит не на более спокойную работу, не на высокую зарплату, а буквально в никуда! А экономическую обстановку сейчас, между прочим, стабильной не назовешь. Он же вместо того, чтобы бегать в поисках новой работы, сидит на помеченной голубями скамье и слушает низкий, словно стелющийся по земле, голос-гул эпохи восьмидесятых:

Мы хотим видеть дальше, чем окна дома напротив...

Дальше действовать будем мы,

Дальше действовать будем мы.

Под знакомую песню Вячеслав Михайлович мысленно перебирал события последних лет.

*

В ТатНИПИнефть он пришел в 1981 году. Его единственной и главной темой все эти семь лет была защита трубопроводов от коррозии. Отдел, в котором работал Айдуганов, носил длинное название: «Отдел капитального ремонта скважин и защиты нефтепромыслового оборудования от коррозии». На четвертом десятилетии эксплуатации нефтегазовых месторождений Татарской республики это обширное направление исследований становилось все более актуальным. Ведь в годы послевоенной разрухи, в стремлении как можно быстрее обеспечить страну ценным углеводородным сырьем, нарушались даже существовавшие на тот период примитивные технологии строительства скважин. Но разве это было важно, если из упругих земных недр били высокие маслянистые фонтаны, если уже к середине пятидеся-

тых Татария по объему добычи нефти вышла на первое место в Советском Союзе и удерживала его целых 17 лет! Когда фонтаны иссякли, были разработаны технологии повышения пластового давления путем закачки воды и различных, часто агрессивных, технологических жидкостей...

Это стало одним из факторов коррозии обсадных колонн скважин, резервуаров для хранения нефти и другого оборудования промысловиков. Увеличение обводненности добываемой продукции, ее коррозионной агрессивности привело к обострению проблем разрушения нефтепромысловых объектов еще лет пятнадцать назад, в семидесятые годы.

Особенно доставалось нефтепроводам, которые, кроме обычных атмосферных явлений или грунтовых вод, разъедала сама транспортируемая по ним агрессивная жидкость. Трубы ржавели и рвались чаще всего на стыках, в местах сварочных швов. В результате нефтяники тратили много времени и сил на профилактические осмотры и ремонты магистралей. На это уходили немалые средства, вдобавок «Татнефть» несла убытки из-за вынужденных остановок того или иного участка трубопроводного транспорта. А ведь на балансе компании к концу восьмидесятых годов было около пятнадцати тысяч километров нефтепроводов, газопроводов, водоводов. Такое расстояние преодолевает самолет из Москвы до Нью-Йорка и обратно. Поэтому антикоррозионная защита нефтепромысловых трубопроводов была очень важной задачей.

Этой темой и занимался Айдуганов, возглавлявший сек-

тор применения пластмассовых труб. Название неточно отражало суть: сотрудники сектора имели дело с трубой традиционной, металлопрокатной. Вячеслав Михайлович с коллегами разрабатывали технологию футеровки, то есть облицовки такой трубы полиэтиленом. Особый вид пластмассы, полиэтилен низкого давления обладает впечатляющей способностью к растяжению. Кроме того, он не пропускает воду и с легкостью выдерживает низкие температуры. Поэтому на нефтепроводах республики полиэтиленовая «одежда» стала настоящим техническим прорывом. Применение металлопластмассовых труб в сотни раз сократило число аварий и, следовательно, принесло огромную экономию средств. Еще важнее, что в регионе стали очищаться реки и родники, почва вновь обретала плодородие, ожившие леса наполнялись птичьими голосами.

Металлопластмассовые трубы стали, без преувеличения, новым этапом в деятельности тогда еще Производственного объединения «Татнефть», и десятилетие девяностых прошло под знаком их внедрения на промыслах. Нефтяники говорили про МПТ с восторгом, гордясь каждым новым километром проложенной трассы. Разработчиком же «чудо-технологии» была группа инженеров под руководством Вячеслава Михайловича Айдуганова. Впоследствии скажут, что с ним связана целая эпоха в развитии нефтяной отрасли республики, и это не будет преувеличением.

Многолетний опыт изобретателя и рационализатора на-

учил Айдуганова тому, что далеко не все разработки, даже самые прогрессивные, приживаются на производстве. Путь от идеи до воплощения бывает долгим, а порой и непреодолимым. Поэтому лично для него одним из плюсов работы в ТатНИПИнефть была огромная заинтересованность руководства Производственного объединения в модернизации всех звеньев процесса добычи «черного золота». Ученые и проектировщики получали не надуманные, а реальные задания, сформулированные «на земле» - там, где ведут проходку буровые бригады, наматывают километры вдоль трубопроводов операторы по добыче нефти, выстраивают бесконечные столбцы цифр инженеры производственно-технических отделов... И там же, на промыслах, идеи и проекты обкатывались, оттачивались, внедрялись. Пуповина между наукой и практикой никогда не рвалась, наполняя жизненными силами оба организма. Так было и в случае с МПТ.

Как только группой инженеров под руководством Айдуганова была разработана конструкция металлопластмассовых труб, футерованных полиэтиленом, а также технология их изготовления, и сделаны чертежи необходимого для этого оборудования, в Альметьевске начали строить цех по выпуску металлопластмассовых труб. Вячеслав Михайлович курировал его строительство от проекта до выпуска первой продукции. Куратор в переводе с латинского *curare* – заботиться, опекать. И он опекал. Позапрошлый год и половину прошлого рабочее место завсектором применения пластмассо-

вых труб переместилось за полсотни километров, в «нефтяную столицу» республики.

Ежедневно в семь утра под окном его ждал институтский «газик», на котором Айдуганов с водителем ехали по дороге, уже знакомой до каждого поворота и выбоины на асфальте. За окном привычно мелькали то заснеженные, то зеленеющие поля, села Карабаш, Абдрахманово, Нижняя Мактама... В машине говорили о вещах, не относящихся к работе или просто молчали: этот утренний час был возможностью обдумать предстоящий день. Обратная дорога, чаще всего уже в темноте, была передышкой перед «вечерней сменой» в институте. Здесь он просматривал поступившие за день распоряжения руководства, раскладывал на столах сотрудников письменные задания, составлял для себя список дел на завтра. Домой попадал ближе к ночи.

Поездки выматывали, и все же Вячеслав Михайлович считал, что размещение цеха МПТ в Альметьевске было правильным решением. Этот город был не только административным, но и деловым центром нефтяников. Любые вопросы, технические или организационного характера, Айдуганов мог решить за один день, поскольку здание управления «Татнефти» находилось в двадцати минутах езды от его объекта. В Альметьевск ежедневно приезжали по производственным делам руководители и специалисты даже таких отдаленных подразделений компании, как Нурлатнефть или Прикамнефть, и он получал от них свежую информацию о

том, как ведут себя трубы в эксплуатации, какие проблемы выявляются при их монтаже, диагностике, ремонте. До эпохи интернета и сотовой связи оставалось еще два десятилетия, поэтому факты, получаемые не в форме сухих отчетов и справок, а напрямую от коллег, были на вес золота. Они позволяли вовремя доработать какие-то технологические нюансы, а также ложились в основу будущей кандидатской диссертации.

Да, сложный процесс строительства, монтажа оборудования, пуско-наладки, испытаний интересовал автора новой технологии прежде всего с точки зрения научной, ведь он был инженером, исследователем и изобретателем. Поэтому после пуска цеха МПТ в эксплуатацию и сдачи отчета о проделанной работе Вячеслав Михайлович вплотную занялся подготовкой диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Весь 1987-й прошел для него на подъеме: цех исправно выдавал продукцию, диссертация продвигалась на удивление легко, высокой оценкой его труда стало награждение дипломом «Лучший научный сотрудник года». Неожданной и – что скрывать! – очень радостной новостью стало выдвижение автора технологии металлопластмассовых труб на соискание Государственной премии СССР. По значимости это была вторая премия, после Ленинской. Она вручалась за выдающиеся достижения в области науки и техники, литературы и искусства и, помимо официального признания заслуг,

предполагала немалое денежное вознаграждение – пять тысяч рублей. Столько стоил ЗАЗ-968 – последняя модель «Запорожца», мечта непритязательного советского автомобилиста.

Так что Госпремия была высотой, подняться на которую мечтал каждый серьезный новатор в области техники. Выпал же такой шанс единицам: ежегодно со всего Советского Союза награждались около ста человек, и в когорте писателей, ученых, деятелей искусств технарям доставалось не так уж много мест. Теперь одно из них предназначалось Айдуганову. Это его и сгубило.

Говорят, успех имеет свою тень – зависть. У коллег Вячеслава Михайловича это чувство перешло в активную фазу. В лучших традициях советских времен над «молодым да ранним» специалистом было устроено настоящее судилище, суть которого сводилась к одному: Госпремии недостойн! В этой массе обвинителей голос представителей Ученого совета, поддержавшего Айдуганова, не имел перевеса. После этого оставаться в институте не было смысла. «Мне не слава нужна, а справедливость!» - сказал он, подавая заявление об уходе.

...Вячеслав Михайлович поймал себя на том, что заново переживает события последнего месяца и опять мысленно кому-то что-то доказывает. Или - себе?! Может, не стоило так рубить с плеча, надо было подождать, спустить ситуацию на тормозах, не жертвовать должностью, научной рабо-

той, благополучием семьи, наконец! Что ж получается: шахматист, и не смог просчитать партию на пару ходов вперед? Смог бы, но не захотел, потому что перестала нравиться игра, - честно ответил он своему alter ego. Жизнь – не шахматная партия, найдется в ней и мой вариант, - успокоил он своего внутреннего спорщика и поднялся со скамьи.

Парней на противоположной стороне сквера уже не было. Мимо него катила синюю детскую коляску женщина с копной солнечно-рыжих волос. Девочка лет трех – по-видимому, ее старшая дочка – самозабвенно носилась по траве за голубями. «Найдется и мой вариант», - вслух повторил Ай-дуганов и бодро зашагал в сторону дома.

Шел май 1988 года...

Кстати

Пройдет лет пять, и производство металлопластмассовых труб в «Татнефти» будет поставлено на промышленные рельсы. Метод футеровки трубы полиэтиленом вытеснит конкурирующую технологию облицовки стеклосодержащей смесью. Тогдашний главный инженер объединения Шафагат Тахаутдинов, в полной мере оценивший перспективы применения новой технологии, даст ей «зеленый свет», и в подразделениях компании будут построены 11 цехов по производству МПТ. Еще через четверть века будет официально заявлено, что внедрение труб МПТ стало ключом к осуществлению неотложных природоохранных задач:

«Произведенные в 1990-е годы металлопластмассовые трубы решили исход борьбы за оздоровление и сохранение окружающей среды в нефтяном регионе Татарстана. Они выполнили главную задачу - предотвратили аварии на промышленных водоводах системы поддержания пластового давления, по которым перекачивалась сильно агрессивная жидкость. Аварийность за эти годы резко пошла на убыль, и тем самым был взят под контроль один из главных источников загрязнения почвы и водоемов в зоне деятельности компании».

<https://mykonspekts.ru/1-117791.html>

Глава 2

Все идет по плану

- В эфире «Прожектор перестройки»! Сегодня, 15 мая, в соответствии с заключенными Женевскими соглашениями, начался вывод советских войск из Демократической республики Афганистан. Колонны наших армейских подразделений, возвращающихся на родину, продвигаются к афгано-советской границе. Теперь все позади. Но не кончится для них война, пока будут сниться лица боевых товарищей, пока живы матери и жены погибших, их дети, ставшие сиротами. Пока не дан им четкий и ясный ответ на вопрос: во имя чего?..

В последнее время по вечерам народ не отрывался от телеэкранов. Новостные передачи Первого канала из скучных отчетов о перевыполненных производственных планах превратились в увлекательные рассказы о событиях, которые еще пару лет назад не могли привидеться даже во сне. Ровно три года назад, в марте 1985-го, генсеком ЦК единственной в стране и руководящей партии – Коммунистической – был назначен мало известный рядовым советским гражданам Михаил Горбачев, возглавлявший до того Ставропольский краевой комитет КПСС. В первом же своем выступлении он сказал о необходимости перестройки во всем обществе. Генсеки в те годы много, о чем говорили, но прислу-

шивались к ним разве что партийные функционеры. Однако уже в мае в Союзе был объявлен «сухой закон». Вряд ли чем-то иным можно было так взбудоражить всю страну, от Балтики до Камчатки. Народ, готовый держаться до победного, выстраивался в длинные шеренги у винных магазинов. В подъездах многоквартирных домов витал не выветриваемый самогонный дух. Активисты антиалкогольной компании прочесывали городские скверы и пустыри в поисках потерявших бдительность выпивох. Спешно вырубались уникальные крымские виноградники.

Возможно, главным результатом первой горбачевской кампании стало то, что советский человек осознал: настало время перемен. До сих пор отношение к личности Горбачева разделяет россиян на два лагеря: тех, кто против и тех, кто считает, что именно он привел страну к демократизации, открыл перед ней горизонты интеграции в большой мир.

Это было время бесценных приобретений! В ноябре 1986-го визит Горбачева в США положил начало завершению «холодной» войны. Был опущен «железный занавес», мир стал воспринимать Советский Союз как возможного экономического и политического партнера.

В период перестройки советское общество обратилось к литературному наследию, которое ранее по идеологическим причинам не становилось достоянием широких масс. Свежие номера журналов «Огонек» и «Новый мир» передавались из рук в руки, и число тех, кто зачитывался произведе-

дениями Пастернака, Солженицына, Рыбакова, Гроссмана, в разы превышало тиражи этих периодических изданий. Наконец, именно перестройка, разрушившая советскую державу, дала возможность пятнадцати странам избрать свой собственный путь развития.

Однако перестройка стала и временем трагических потерь. Достаточно вспомнить катастрофу на Чернобыльской АЭС, расстрел советскими танками демонстрации в Вильнюсе в январе 1991 года... Всеобщей бедой стал и экономический кризис, который привел к обнищанию населения. А ведь одной из целей перестройки было укрепление экономики страны, в которой накопилось немало проблем. На деле же реформы привели народное хозяйство к полному краху. В 1987 году законом «О государственном предприятии» была отменена государственная внешнеторговая монополия, что разбалансировало и без того плохо налаженную систему снабжения населения. Производимая предприятиями продукция отправлялась за рубеж, а рядовым советским гражданам не хватало элементарного, от мяса и гречки до посуды и обуви.

Границы ключ переломлен пополам
А наш батюшка Ленин совсем усоп
Он разложился на плесень и на липовый мёд
А перестройка всё идёт и идёт по плану
А вся грязь превратилась в голый лёд
всё идёт по плану, -

пел в те годы любимец молодежи, талантливый и трагический Егор Летов.

*

В тот вечер Айдуганова оторвал от просмотра новостной программы разразившийся трелью телефон. Звонил Николай Александрович Романов, бывший коллега по институту ТатНИПИнефть и сосед по общежитию, уже несколько лет делавший карьеру на политическом поприще.

- Приветствую! Узнал?

- Обижаешь, Николай! Как дела? Слышал, тебя в горкоме из инструкторов до заведомо повысили?

- Да, курирую промышленность и транспорт. И, между прочим, тебя сегодня на совещании вспоминали. Тут дело затевается. Новое и, надеюсь, перспективное. Нужен для него человек особенный – коммунист, рационализатор, инженер... И еще такой, кто не побоится рискнуть. Сам понимаешь, что с учетом последнего требования конкурентов у тебя просто нет! – не удержался от иронии Романов. – Если завтра подойдешь в горком, расскажу подробно и, надеюсь, сосватаю тебя.

На следующий день, слушая бывшего коллегу, Айдуганов изредка встряхивал головой, словно утрясая переполнявшую ее информацию, и признавался себе, что отстал от жизни. Точнее, долгое время у него была своя жизнь, наполненная идеями и проектами, работой с чертежами и техническими условиями. Жизнь, границы которой были обозначены

ны в лучшем случае трубопроводами на каких-нибудь отдаленных площадях Ромашкинского месторождения, а чаще – стенами рабочего кабинета. Это была жизнь интеллектуальная и самодостаточная, не требовавшая информации извне. Теперь ему предстояло принять тот факт, что привычный мир изменился.

Романов рассказывал, что для оживления экономики в стране легализовано мелкое частное предпринимательство. Что в 1986 году был принят Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», а скоро вступит в силу Закон «О кооперации в СССР».

- А теперь слушай внимательно. Есть еще один документ, касающийся непосредственно темы нашего разговора, - говорил Николай Александрович. – В марте прошлого года вышло постановление Совмина, Центрального совета профсоюзов и ЦК комсомола «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи». В стране уже появились Центры НТТМ. По сути, это кооперативы, первопроходцы частного бизнеса в Советском Союзе. Создаются они при райкомах комсомола. Нам тоже «сверху» спустили распоряжение об организации такого Центра. Конечно, пока не совсем ясно, что это будет и как его развивать, поскольку законодательной базы под это дело не подведено. Что и дает возможность проявлять инициативу, реализовать, может быть, самые невероятные идеи! У тебя же, знаю, есть идеи, разработки, планы?! Так вот, те-

перь не надо доказывать их актуальность высокому начальству, годами ждать финансирования...

- Вот это как раз и настораживает, - пожал плечами Ай-дуганов. – Кто и от каких таких щедрот даст деньги на внедрение изобретений?

- Те, кому твои разработки нужны в производстве. Заказчики, с которыми будешь работать напрямую. Те же нефтяники, у которых трубопроводы до сих пор рвутся по сварным швам. Предложи им хорошую технологию, и проблема финансирования будет решена!

- Это на словах красиво звучит. В реальности же нужны транспорт, производственные площади, на которых будем «лепить» образцы продукции (не на пальцах же объяснять начальнику НГДУ, что именно мы ему предлагаем!), хотя бы небольшой штат сотрудников, которым надо платить зарплату... Да бумага и авторучка, в конце концов, и рабочий стол. Не помешала бы и комната, в которой можно его поставить!

- В райкоме комсомола найдется для вас кабинет. Тащи туда свой «интеллектуальный багаж», садись и работай, - ответил Романов.

Кстати

К началу 1990-х годов в СССР насчитывалось уже более 600 Центров НТТМ. Согласно [уставу](#), их средства могли вкладываться только в производство.

Как и многие другие экономические структуры, появив-

шиеся в годы перестройки, центры быстро отошли от первоначальной ориентации, занявшись различными формами коммерческой деятельности. Чаще всего это была банальная перепродажа сырья, закупленного по госцене.

Центры НТТМ пользовались большими льготами. Они не платили никаких налогов, но отчисляли три процента дохода в общесоюзный фонд НТТМ и 27 процентов — в местные фонды, которыми распоряжались координационные советы НТТМ. При этом государство не получало вообще ничего: средства фондов направлялись на «развитие научно-технического творчества и социальные цели» (общий оборот фондов в 1989 году составил 1,5 млрд рублей). Получив право обналичивать деньги, центры НТТМ стали одновременно и колыбелью российской бизнес-элиты, и локомотивами инфляции.

<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Центр научно-технического творчества молодёжи

Глава 3.

Город счастливой судьбы

С утра Надежда Михайловна принялась за уборку. Выходной день посвящался домашним делам, накопившимся за рабочую неделю. В ванной надрывно гудела стиральная машина «Волга», мечта каждой советской женщины. Недавно она появилась и у Айдугановых. Это была металлическая бочка с резиновым шлангом на боку, через который сливалась в унитаз грязная мыльная вода. Чистая просто заливалась через верх, после чего чудо техники приводилось в движение или останавливалось нажатием кнопок «вкл.» - «выкл.». Примитивный агрегат высвобождал немало сил и времени, необходимых на другие дела.

Сейчас хозяйке надо было как-то расчистить в квартире пространство. Надежда Михайловна принялась выстраивать в тесной прихожей штабеля картонных коробок с лаком для ногтей. Высокая башня из упаковок с итальянскими макаронами удачно разместилась в кухонном простенке. Сложнее было с компьютерными мониторами и прочей электроникой, требовавшей, как предупредил муж, особо бережного к себе отношения. Однако груда коробок занимала чуть ли не треть зала, и хозяйка осторожно переместила ее подальше в угол.

Надежда Михайловна оценивающе осмотрела результат своего труда. Завтра вернутся из Москвы Вячеслав с Серге-

ем и часть товара увезут на реализацию. Но взамен привезут новый груз. К тому, что муж много и увлеченно трудится, она давно привыкла, это стало частью их совместной жизни. Но сейчас это было непонятное для нее, не вписывающееся в семейный уклад дело. Она всегда знала, что глава их семьи – уважаемый, известный в городе инженер. Надежда Михайловна тоже химик-технолог, и семь лет они вместе проработали в ТатНИПИнефть. Но сейчас коллеги в лаборатории спрашивают, что за Центр технического творчества возглавляет Айдуганов, и она отшучивается общими фразами. А что скажешь: должность звучит вроде солидно, но на деле – купи-продай. Зятя, мужа ее сестры, к этому притянул. Сергей же вместо того, чтобы родственника отговорить, ухватился за идею. Я, говорит, строитель, а ты инженер, и трубопроводы будем вместе строить. Но пока строить им нечего и негде. Если не считать мелких заказов – там крышу покрыть, там ограждение поставить...

Однако на этом, как сказал Вячеслав, первоначальный капитал не заработаешь, и партнеры придумали возить из Москвы компьютеры на продажу. «Персоналки», как они называли эти настольные ЭВМ, только-только появились даже у нефтяников, всегда первыми схватывавших технические новинки. В ТатНИПИнефть Надежда Михайловна уже видела такую машину: на Intel-286 можно было не только обрабатывать данные (к примеру, результаты испытаний различных добавок, повышающих устойчивость оборудования к корро-

зии – то, чем занимался ее сектор), но и набирать и редактировать тексты. Поэтому в Бугульме, где на каждом шагу предприятия нефтяников, спрос на компьютеры был огромный. Вот только Надежда Михайловна во время поездок мужа места себе не находила. Как же, в столицу отправляются с деньгами, и немалыми. Назад – все купе забивают дорогой аппаратурой. А в поездах и в более спокойные времена запросто можно было лишиться багажа, сейчас же только и слышишь: там ограбили, того избили... Но своими сомнениями она с мужем не делилась, страхи держала при себе. Знала: если что решил – не переубедишь. Такой упертый характер.

Надежда Михайловна всегда удивлялась, как эта жесткость, когда речь шла о работе, уживалась с мягкостью в его отношениях с людьми. Если дело касалось семьи, родни, друзей, муж всегда готов помочь, поддержать, уступить. Таким она знала его уже тринадцать лет. Поженились они еще студентами Казанского химико-технологического института: она училась на технологическом факультете, он – на механическом по специальности «оборудование химических заводов». Родом они были из разных мест: девушка из степного Оренбургского края, парень – из богатой лесами и разнотравными лугами Пензенской области. У обоих имелся за плечами какой-никакой жизненный опыт. Надежда до поступления два года работала в Бугульме. Вячеслав отслужил срочную службу в Германии, получил рабочую специ-

альность на химкомбинате в Ростовской области. С этого предприятия слесарю с явными инженерными способностями и дали направление в Казанский институт.

На комбинате, оплатившем его учебу, Вячеславу предстояло проработать три года после защиты диплома, и молодая семья с первенцем – дочкой Леночкой – приехала в Каменск-Шахтинский. Это был неприглядный городок, расположенный на возвышенном правом берегу реки Северский Донец, с населением чуть более шестидесяти тысяч человек. Известен он был, прежде всего, своей крупной железнодорожной станцией Каменская. Еще более важной, хотя не столь широко известной достопримечательностью был огромный химкомбинат «Россия», на предприятиях которого работал каждый шестой житель городка. Здесь выпускались сотни наименований продукции «гражданского» назначения: полиэфирные лаки, спирт, нитроэмаль, линолеум, столовая клеенка и даже популярный детский настольный хоккей. Однако главной спецификой комбината была «оборонка», о чем красноречиво свидетельствовали бетонный забор с колючей проволокой по периметру предприятия и вышки с часовыми.

Благодаря комбинату, в Каменск-Шахтинском возводились панельные высотки и постепенно исчезали бараки послевоенного образца. Однако и в новых квартирах не скрыться было от зловонного дыхания «химии». Промышленный гигант давал людям работу, строил город, но он

же его и отравлял. Женщины, с которыми работала Надежда, особенно не любили завод, прозванный в народе «пятьсот-вонючий»: достаточно было пройти мимо него, и капроновые чулки на ногах покрывались мелкими дырочками с оплавленными краями. Рассказывали, что в некоторых цехах «пятисотого» люди трудились в противогазах.

Обоим молодым специалистам нашлась работа по специальности. Надежду определили на ремонтно-механический завод, где она работала с электролизом: покрывала хромом, никелем и кадмием детали для ракетостроения и тот самый детский настольный хоккей. Вячеслав работал мастером, а затем начальником участка на другом производстве, выпускавшем ракетное топливо. Уже тогда его участок ходил в передовиках, и фамилия Айдуганова нередко мелькала на страницах местной газеты «Ленинец». Заголовки статей говорили сами за себя: «На трудовом календаре – будущее», «Стали победителями». В одной из заметок сообщалось, что мастер механического цеха Вячеслав Айдуганов выполнил норматив третьего разряда по шахматам, решая по переписке задачи шахматного клуба «е2 – е4» газеты «Комсомольская правда». Все газеты с этими публикациями Надежда Михайловна бережно хранила в отдельной папке.

Последний год их жизни в южных краях Вячеслав Михайлович работал инженером первой категории в Государственном испытательном центре ВНПО «Союзпромгаз». Это было научно-производственное предприятие, где его пытливый

ум рационализатора работал в подходящей для него среде.

Молодой семье выделили в семейном общежитии целых две комнаты, и в одной из них стояла газовая плита, в то время как их соседи готовили еду на общей кухне. Однако по прошествии трех лет Айдугановы без сожалений расстались с Каменск-Шахтинским и переехали в Бугульму.

Для Надежды этот город был почти своим: здесь жили родственники, да и мама совсем неподалеку. А главное – интересная и перспективная работа для Вячеслава, которой здесь было невпроворот. Ведь этот небольшой старинный городок за последние тридцать лет сформировался как центр технической и научной интеллигенции. В начале 1950-х в Бугульме были сконцентрированы управления по разведке и добыче татарстанской нефти, создан научный центр – нынешний ТатНИПИнефть и центр по транспортировке «черного золота». Долгое время город считался вторым по значению в республике после Казани.

Сам по себе он был красивым и уютным. Радовал глаз и старинными особняками, и основательностью «сталинок» – зданий послевоенной постройки, и современными домами. Как раз в 1981 году, когда сюда приехали Айдугановы, в Бугульме развернулись несколько стройплощадок: прокладывалась объездная дорога, возводилась восьмиэтажная гостиница, ремонтировались здания аэропорта и железнодорожного вокзалов...

На кольцевом перекрестке устанавливалась стела в честь

200-летия Бугульмы. Горожане готовились широко отпраздновать этот юбилей: версталась программа торжественного собрания в Доме техники, рассылались приглашения многочисленным почетным гостям, местная газета «Ленинское знамя» на восьми страницах публиковала репортаж о становлении Бугульмы и людях, «творивших своими руками ее историю». В областной типографии печаталась юбилейная книга «Город счастливой судьбы».

Именно таким он и стал для семьи Айдугановых. Через год, в 1982-м, родилась их младшая дочка Ольга. У мужа здесь была не просто хорошая работа, а любимое дело, в котором он мог реализоваться как инженер и изобретатель. В бытовом плане все устроилось: квартира, школа, детсад... И вот – этот конфликт в институте. Вячеслав всегда был горяч и прямолинеен, говорил то, что думал. Если сделал шаг, на попятную ни за что не пойдет. Поэтому их жизнь свернула с наезженной колеи на незнакомую и, как ей казалось, ухабистую дорогу. Куда, к чему она приведет?

На этот вопрос ей не смог бы ответить никто, потому что все ее ровесники, родственники и друзья, представители поколения шестидесятых-семидесятых годов, воспитывались в системе, обеспечивавшей минимальную стабильность каждому гражданину и определявшую строгие рамки его жизни, раздвигать которые большинству и в голову не приходило. Понятия «бизнес» или «коммерция» в эти рамки не вписывались. Согласно советской науке политэкономии, они при-

надлежали чуждой капиталистической системе, основанной на эксплуатации человека человеком.

Надежду Михайловну успокаивало то, что этот Центр технического творчества молодежи – не самодеятельность: открыт по решению горкома партии, а курирует его горком комсомола. Это значит, что все делается правильно, по закону. Вопрос об организации ЦНТТМ даже обсуждался на заседании горсовета. Муж рассказывал, что коммунисты старой закалки (а их среди депутатов большинство!) разнесли эту идею в пух и прах, и аргументы у них были очень весомые: «В стране с государственной собственностью на все материальные ресурсы и средства производства нет места частникам! Ну да, перестройка, ветер перемен. Сегодня он в одну сторону дует, завтра повернет в другую. Да, легализовали «цеховиков», которых еще вчера сажали как расхитителей госимущества, мошенников и предателей Родины. Сейчас они – ко-о-пе-раторы! Надолго ли? Подумайте об этом, товарищи. Идет третий год перестройки, и ситуация в стране непростая. Все мы видим, что одни реформы сворачиваются, на смену им приходят новые. Антиалкогольную кампанию вон как резво начинали! И где она сейчас? – Правильно, спустили на тормозах. Теперь кооперация полным ходом, а в Бугульме у нас что? Пару чебуречных открыли и десяток торговых палаток со всяким барахлом, вот вам и кооперация. Поэтому нам, коммунистам, надо быть дальновидными, не поддаваться сиюминутным настроениям, уметь

предусмотреть все варианты развития событий»...

В общем, заседание горсовета было, по словам мужа, «веселым». Однако верх взяла «фракция перестройки», державшая в руках главный козырь: генеральная линия партии – развитие кооперации. А против партии кто ж пойдет?! За создание Центра высказались председатель исполкома Бугульминского горсовета народных депутатов Марс Исламович Баянов, его заместитель Николай Николаевич Бызов. Вслед за ними нехотя подняли руки и другие чиновники.

В итоге 24 мая решение о создании Центра НТТМ было принято.

И вот муж уже третий месяц реализует, так сказать, генеральную линию партии. Пока что он в своем Центре один, что-то не видать других энтузиастов. Кроме Сергея, разумеется. Но тот на общественных началах. Тут Надежда Михайловна вздохнула: скорей бы уж они набрали денег да начали заниматься своими техническими разработками. Их коммерция – нам, женам, сплошные переживания!

КСТАТИ

Несколько фактов из истории Бугульмы

Название города произошло от речки Бугульминки. Первое упоминание о Бугульминской слободе относится к 1736 году. Ее развитие было связано с продвижением Российской империи на восток – основанием Оренбургской крепости и прочих поселений на границе с казахскими степями.

На гербе города изображены рыба в речной воде, зелёный холм с серебряным куполом над ним и серебряная волна.

В годы великого Пугачевского бунта в Бугульминской слободе была расположена штаб-квартира главнокомандующего карательными войсками – генерала-аншефа Бибикова.

Статус города (уездного) Бугульма получила уже в 1781 году. Менее чем за столетие город побывал в составе Оренбургской, Уфимской, Самарской губерний.

Выгодное географическое положение на перекрестье путей из Уфы, Оренбурга и Казани определило динамичное развитие Бугульмы в качестве торгового города. Здесь трижды в год разворачивались ярмарки, крупнейшие по своему обороту в этом и соседнем регионах. Развивалась и промышленность: в конце XIX века в городе работало около сорока заводов и заводиков - кирпичные, гончарные, маслобойные и т.д.

В 1911 году через Бугульму прошла железная дорога.

В годы Великой Отечественной войны в городе сформирована 352-я Оршанская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия. На добровольные пожертвования граждан построена танковая колонна «Комсомолец Татарии» и стратегический бомбардировщик Пе-8 «Бугульминский колхозник».

С 20 июля 1941 г. по 16 сентября 1945 г. в Бугульме располагался эвакуационный госпиталь №2784.

Открытие в 1948 году на юге-востоке Татарстана крупных

залежей нефти (Ромашкинское месторождение) дало мощный импульс развития Бугульме. Производственное объединение «Татнефть» было официально создано в 1950 году в Бугульме.

Здесь же с начала 1950-х годов концентрировались учреждения по разведке и разработке нефтяных скважин, научные центры по добыче и транспортировке «черного золота». Это за короткое время привело к значительному расширению города и увеличению его населения в десять раз.

Застройка города производилась по разработанному Ленинградским государственным институтом проектирования городов генеральному плану. В советские годы здесь, в частности, были построены: спортивный комплекс «Юность», институт «ВНИИнефть», гостиница «Бугульма», Дворец молодежи и многое другое.

В городе сохранились многочисленные памятники историко-культурного наследия: народный дом (1898 г.), здание типографии Викторова (1891 г.), здание мукомольного производства Н. А. Беспалова (начало XX в.), и многие другие.

В Бугульме сохранились братская могила членов Бугульминского Ревкома, расстрелянных белогвардейцами в 1918 г. (объект культурного наследия республиканского значения), братская могила жертв кулацко-белогвардейского террора 1920 г., братская могила 14 коммунистов-железнодорожников, расстрелянных белогвардейцами в 1918 г.

Город известен и другими памятниками истории и культу-

ры, а также современными учебными, культурными и спортивными заведениями.

[https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/](https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/bugulma)
[gorodskie-poseleniya/bugulma](https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/bugulma) Онлайн - энциклопедия
[Tatarica](https://tatarica.org/).

Глава 4.

Сделать первый шаг

Комсомольцы лишь частично выполнили распоряжение Романова: в райкоме Айдуганову выделили только половину письменного стола, да и кабинет пришлось делить с райкомовскими инструкторами. Правда, парни были покладистые: вопросами не докучали, делились бумагой для печатной машинки, поили чаем. Не стеснял их и новый сотрудник, поскольку в основном находился в разъездах по своим коммерческим делам и в кабинете засиживался, как правило, по вечерам.

Как мало было у него этих часов, которые он мог посвятить главному, ради чего все это затеял – доработке технологии, которая должна была дать жизнь Центру! Технологии, которая изменит способ строительства трубопроводов и навсегда решит проблему их порывов. Пока что коррозия не сдавалась, несмотря на то, что трубы стали футеровать полиэтиленом. Она вкрадывалась в трубу исподволь и настойчиво, миллиметр за миллиметром нащупывая слабые места. Таковыми были сварные соединения. Три четверти порывов трубопроводов происходили именно здесь. При этом сама труба оставалась целехонькой и, казалось бы, могла служить еще долгие годы. Но какое это имело значение, если рвались

стыки, и ценное сероводородное сырье в очередной раз становилось источником огромных убытков – и для природы, и для нефтяников.

Таким образом, защита от коррозии зоны сварных соединений труб становилась самой актуальной и сложной темой. А значит, и самой интересной – так считал Айдуганов, любивший находить варианты решений там, где другие заходили в тупик.

Темой защиты сварных швов Вячеслав Михайлович начал заниматься еще в ТатНИПИнефть и даже теоретически нашел решение проблемы. Оно заключалось в том, что швы не должны быть сварными. Плети трассы надо соединять другим способом, и это могла быть, по его мнению, специальная неразъемная муфта. Теперь идею надо было конкретизировать и доработать: рассчитать размеры и форму муфты, толщину металла для нее, силу давления при обжиге трубы, оборудование, с помощью которого будут соединяться плети трассы... При этом необходимо было учесть все СНиПы – строительные нормы и правила, ГОСТы, технические условия, согласовать разработки с экологами, пожарными, службами по охране труда, и прочее, и прочее.

Когда он пройдет все эти круги ада, начнется самое сложное: надо будет организовать выпуск соединительных элементов и оснастки для монтажа трубопроводов. Теперь за плечами изобретателя нет влиятельной организации – научного института, накрепко сросшего с гигантом нефтедо-

бычи – Татнефтью. Прекрасные времена, когда по команде нефтяного «генерала» под перспективные изобретения строились цеха и целые заводы, остались в прошлом. Он выпал из обоймы и остался со своими планами один на один. Ему нужен будет металл, много металла! Нужны будут километры футерованных труб. Надо как-то построить по уже разработанным чертежам установку для строительства трубопроводов в полевых условиях... Пока дело касалось непосредственно работы за его половинкой письменного стола, Айдуганов был хозяином положения. Но когда он думал о практическом воплощении разработок, мысль заходила в тупик.

- Николай, где можно купить токарный станок и металло-режущий инструмент? Еще нужна труба диаметром хотя бы 114 миллиметров, - допрашивал он Романова.

- Слава, в стране плановая экономика, ты об этом не забыл? Нефтяники не могут себе выбить дополнительные трубы, если не сумели протянуть год с выделенными им фондами. НГДУ латают нефтепроводы или перекидывают комплектующие из одного подразделения в другое, если у них что-то залежалось ненароком. И это ведущие предприятия отрасли, на которую работают Госплан и Госснаб. А мы с тобой кто?

- В таком случае объясни, из чего и на чем я буду делать опытный образец?! Должен же быть выход!

- Выход давно найден. Как там у Райкина: «через завсклад, через директор магазина, через товаровед, через зад-

нее кирильцо...».

- В таком случае, объясни: если есть закон о развитии кооперации, должен быть проработан и механизм обеспечения участников всем, что им необходимо для производства товаров?

- Увы! Законодательная база как таковая отсутствует. Нет вообще никаких правовых актов, которые регулировали бы деятельность Центров НТТМ, равно как и кооперативов. Одни циркуляры: «развивать, способствовать, создавать...» У меня ощущение, что государство, давшее зеленый свет предпринимателям, теперь само не знает, что с ними делать. А частные предприятия множатся, как грибы после дождя. И, предполагаю, каждый выживает, как может.

- Вот и мы со свояком пока что выживаем, и неплохо этому научились: кое-какой капитал уже скопили. Торговлей заниматься выгодно, но не мое это! А как вложить деньги в производство и в инженерные разработки, ума не приложу.

- Да и не твоего ума это дело, не за обиду сочти, а за комплимент. Один ты не потянешь все эти проблемы. Ты же ученый, изобретатель, тебе и надо интеллектуальные ценности создавать. Есть у тебя Сергей Чахеев – золотой человек, строитель-практик, он твои разработки сумеет на реальную почву поставить. Но одного его мало. Нужны еще надежные помощники – ездить, договариваться, закупать, бухгалтерию вести. Особенно про бухгалтера подумай, чтобы каждый заработанный вами рубль был учтен и работал на вас.

*

Бухгалтер появилась в сентябре того же, 1988 года. Роза Валитова именно появилась: ее никто не рекомендовал, не искал, не уговаривал. Однажды она просто вошла в кабинет и поинтересовалась:

- Я слышала, вам нужен бухгалтер?

Перед Айдугановым стояла совсем молодая девушка, и он ответил ей, как мог – откровенно:

- Очень нужен. Но вряд ли смогу предложить вам хорошие условия. У нас тут, сами видите... Все только начинается.

- Я тоже начинаю, - улыбнулась Роза. – Только два года стажа после техникума. А сейчас ищу работу.

Роза Завдатовна проработает в Инженерно-производственном центре 13 лет. В этот самый сложный период становления не только предприятия, но и системы бухгалтерского учета, налогового законодательства в новых, рыночных условиях она блестяще освоит бартерные схемы, взаимозачеты, вексельные операции – все новые инструменты, благодаря которым коллектив и производство развивались, невзирая на все кризисы девяностых годов.

А тогда, зимой 1988-го, на улицах Бугульмы нередко можно было встретить нетипичную для рабочего городка пару. Высокий, представительный мужчина в синем пальто и интеллигентском берете, с чемоданчиком-«дипломатом», являл собой образ как минимум преподавателя института. Рядом, подстраиваясь под его широкий «профессорский» шаг,

почти бежала миниатюрная девушка лет двадцати в модных, на толстой подошве-«манке», сапогах и стильной курточке. Директор и бухгалтер всюду ходили пешком, поскольку «имущество» их фирмы ограничивалось пока что расчетным счетом и печатью, а вот транспорт к ним не прилагался. Им надо было успеть и в горисполком, и в налоговую, и в типографию... Однажды так же, на себе, они с присоединившимся к ним Сергеем Чахеевым тащили по улицам тяжеленный сейф, подаренный Центру какой-то организацией.

Тогда же, в конце 1988-го, коллектив Центра вырос до пяти сотрудников. Сергея Леонидовича Чахеева, друга и партнера руководителя, наконец официально приняли на должность замдиректора по производству. Еще одного квалифицированного специалиста фирма получила в лице Зинаиды Яковлевны Ильиной. Из ТатНИПИнефть Вячеславу Михайловичу удалось перетянуть к себе Ирека Зиннуровича Зарипова. Инженер с большим опытом, он немало вложил в разработку и внедрение технологий ЦНТТМ, а затем Инженерно-производственного центра. Помимо этого, он во время службы в армии хорошо научился обращаться с техникой, поэтому первое время был и за водителя, и за тракториста. Из отдела информации института пришла еще одна коллега Айдуганова, Людмила Салимовна Ибрафилова. Ей поручили кадровый учет. Семнадцать лет Людмила Салимовна была тем человеком, который знал производственные и семейные проблемы каждого работника. Новичкам она помогала

адаптироваться в коллективе, умела кого-то морально поддержать, за кого-то замолвить слово перед руководством...

Решение этих людей поменять стабильную работу в солидном учреждении на полную неизвестность не поддавалось обычной логике. Впрочем, именно такие решения порой не только меняют судьбу одного человека, но и преобразуют мир, делают его разнообразнее и интереснее. «Я просто сделала шаг и ни разу об этом не пожалела», - скажет много лет спустя Людмила Ибрафилова.

Это была небольшая команда энтузиастов, готовых браться за любые заказы, не считавших часы переработки, не требовавших выдачи зарплаты, веривших в призрачный успех. Чтобы заработать, они занимались проектированием, и по проектам ЦНТТМ в Бугульме было построено несколько жилых домов. По заказу Управления гражданской обороны радиофицировали здания. Ремонтировали фасады и крыши. Собирали научно-техническую информацию для нефтегазодобывающих предприятий. Им никто не спускал «сверху» никаких указаний. Они сами строили свои планы и ни перед кем не отчитывались. Это было непривычно, свобода пугала и окрыляла.

На собственном опыте они познали могучую силу рекламы: на единственной старой пишущей машинке печатали рекламные листовки и рассылали их потенциальным заказчикам, в основном в подразделения Татнефти. Отклик был большой: им звонили и расспрашивали не столько о предла-

гаемых услугах, столько о самом Центре технического творчества. Что за организация? Как это – частная? С вами напрямую договоры заключать? А где гарантии?! Ну, и так далее. Приходилось разъяснять, убеждать, рассказывать о перспективах - разработках по защите трубопроводов от коррозии. Эта информация вызвала особый интерес, и именно в процессе таких разговоров у Центра скоро появился первый «профильный» клиент.

Но до этого было еще несколько месяцев упорной работы. Пока же на дворе стоял ноябрь 1988 года, и главбух торжественно объявила сотрудникам, что в четверг, семнадцатого числа, будет выдана заработная плата. За полгода существования Центра это было первое событие такого рода! Наконец-то можно было ощутить реальный результат своего труда в виде красных десятирублевых купюр с профилем Ленина, или даже 25-рублевых, тоже с профилем Ильича, только обращенным в другую сторону.

Народ радостно окружил бухгалтера Розу, сидевшую все за той же половинкой стола. Кто-то пожелал коллегам «пochaще и побольше». «Кто ж против?» - возразили ему. – «Только бы дали нам спокойно работать» - «А в чем проблема?» - «Новости вчера слушали? Эстония объявила суверенитет. Теперь они живут по своим законам, и на все их природные ресурсы, промышленность, финансы Союз никакого права не имеет. Практически отделились прибалты. А лиха беда начало: сейчас посыплется карточный домик, и такая нераз-

бериха начнется в стране, что частникам трудно будет на плаву удержаться».

Все как-то стихли. Однако настроение поднял Чахеев:

- Есть и хорошие новости. Вчера мы с Вячеславом Михайловичем вернулись из Ишимбая. Там на оборонном заводе пообещали помочь с металлом и выточить нам установку для муфтового соединения труб. Сейчас Айдуганов придет – сам расскажет. Так что рано унывать. Пробьемся!

Кстати

Нормативно-правовая база становления предпринимательства как принципиально нового типа хозяйственной деятельности была заложена лишь в декабре 1990 года, когда были приняты два закона: «О собственности в РСФСР» и «О предприятиях и предпринимательской деятельности». В соответствии с последним законом, предприятием считался самостоятельно хозяйствующий субъект, который создавался для «производства продукции, выполнения работ и оказания услуг в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли».

Указанный закон (ст. 20, п.1) гарантировал правовую, экономическую и научно-техническую поддержку предпринимательской деятельности. При этом акцент был сделан на таких аспектах, как право заниматься предпринимательством, недопущение отказа заявителю в регистрации предпринимательской деятельности. Декларировалось равное право до-

ступа предпринимателей на рынок, к финансам, материальным, природным, кадровым и информационным ресурсам, равные условия деятельности всем хозяйственным субъектам независимо от форм собственности.

Закон создал необходимую основу правовой базы предпринимательской деятельности и сыграл важную роль в становлении института предпринимательства.

Научный журнал КубГАУ, №72(08), 2011 г.

Глава 5.

Лиха беда начало

Да, поездка в Ишимбай оказалась не просто удачной, а удачной в самой превосходной степени. Айдуганову с Чахевым удалось разместить заказ на производство установки для неразъемного муфтового соединения труб. У этой нерешаемой, казалось бы, задачи неожиданно нашелся простой ответ. Сергей позвонил своему брату, занимавшему пост главного металлурга на заводе транспортного машиностроения, и Андрей Леонидович сказал: «Приезжайте, посмотрим ваши чертежи и технические условия. Может, что-то и придумаем».

Это крупное предприятие оборонного комплекса, эвакуированное в Башкирию в годы Отечественной войны из Баку, не только обеспечивало своей продукцией нефтяников всего Союза, но и экспортировало оборудование в десятки стран. Все пять часов пути до Ишимбая, перекрикивая завывания мотора старого рейсового автобуса, два его пассажира прикидывали варианты, перечисляли доводы и аргументы, которые могут заставить руководителя высшего звена такого промышленного монстра отвлечься от госзаказа на их установку.

- Да это же для завода плевое дело! Что им стоит сделать

три металлические плиты, соединенные двумя гидроцилиндрами?! – убеждал друга и сам себя Сергей. – У них же любовью стали, даже марки ХГС, завались!

- Да, легированная сталь – то, что надо, - вздыхал Вячеслав. – И токи высокой частоты для закалки деталей есть только у оборонщиков. Только это же закрытое предприятие, «почтовый ящик», и с какого боку к ним подойти?

На деле все оказалось просто. Пресловутый вход «через заднее кирильцо» сработал и на этот раз. Чახеев-старший посмотрел техническую документацию, задал пару вопросов, похвалил идею и сказал, что через пару недель можно отгружать заказ.

- А как договор, оплата?

- Заработаете – расплатитесь. Считайте, что делаем вам в долг, - последовал ответ.

Машиностроители не подвели: в начале октября предприниматели поехали в Ишимбай за готовой установкой. Она ожидала их на складе, поблескивая новенькими стальными боками. Айдуганов погладил холодный металл:

- Сергей, неужели у нас началась светлая полоса? И с трубами вопрос решается, и нефтяники, похоже, дадут нам экспериментальный участок...

- ...И автомобиль сегодня же покупаем! – подхватил, потирая руки, Чახеев. – Давай-ка быстрее, надо за ним на базу успеть.

В Бугульму свояки возвращались на ЗИЛ-130. Вот это бы-

ла удача так удача! Спасибо, опять-таки, Андрею Леонидовичу. Он договорился с какой-то автобазой в Ишимбае, и им продали этот новенький, «с нуля», бортовой пятитонник, неубиваемый и неприхотливый советский грузовик, надежно служивший строителям, нефтяникам, земледельцам и на северных зимниках, и в степях Оренбуржья, и на азиатских горных серпантинах. В эту покупку предприниматели вложили практически все средства, заработанные за полгода, и грузовику предстояла, как они надеялись, очень напряженная жизнь.

Первый маршрут пролегал за семьсот километров, в Первоуральск. Здесь, на границе Европы с Азией, на бывшем Васильевско-Шайтанском заводе, с середины XVIII века плавившем чугун, в 1920 году был освоен выпуск труб. Сейчас Первоуральский новотрубный завод стал одним из ведущих предприятий не только Союза, но и Европы. Здесь выпускались трубы различного назначения, в том числе так называемый «морской сортамент» для судов. Это были футерованные трубы, поэтому именно они подходили для строительства нефтепроводов.

На Первоуральском трубном у Айдуганова тоже был человек, взявшийся помогать Центру НТТМ. И какой человек! – Инженер с большой буквы, единомышленник и ученый.

Отто Вольфович Рабинзон, ведущий инженер Первоуральского новотрубного, руководил заводской испытательной лабораторией. Его можно назвать крестным отцом тех-

нологии футерованных труб, поскольку еще в 1975 году Отто Вольфович выпустил книгу «Стальные трубы, футерованные полиэтиленом». Именно с его подачи в ТатНИПИнефть заинтересовались этой проблемой, и разработки в данной области стали темой научных интересов многих сотрудников, в том числе и Вячеслава Михайловича. Он познакомился с Рабинзоном, еще работая в институте, и считал себя его учеником. Они много и плодотворно сотрудничали, в частности, опубликовали несколько совместных статей по муфтовому соединению труб. Кроме того, Отто Вольфович являлся соавтором многих изобретений Айдуганова. «Он мог говорить о трубах часами, помогал продвигать нашу продукцию, не получая за это ни копейки. Мы приглашали его на выставки, выпускали совместные статьи, проводили научные изыскания, объединяя свои усилия. Человек был счастлив от того, что жил бурной научной жизнью!» - впоследствии вспоминала первый заместитель Инженерно-производственного центра Людмила Ивановна Волкова.

К этому единомышленнику, увлеченному идеей строительства безаварийных трубопроводов и ехал Айдуганов. По идее, частники не могли получить ни метра трубы на государственном предприятии, продукция которого была заранее распределена. Однако было написано письмо на имя директора завода с просьбой отпустить один километр футерованных полиэтиленом труб для проведения научно-исследовательских работ. При содействии Рабинзона, подключив-

шего к решению проблемы еще одного человека из руководства, Владимира Ивановича Шефера, заветные тысяча метров были выделены.

Забегая вперед, скажем, что в следующем, 1990 году, на ПНЗ было закуплено уже десять километров труб для проведения дальнейших научно-исследовательских работ и строительства опытных участков трубопроводов. Эти десять километров стали новой вехой истории Инженерно-производственного центра, связанной со строительством нефтегазопромысловых трубопроводов. А в дальнейшем на Первоуральском заводе был построен цех, в котором выпускались 12-метровые трубы исключительно под заказы ИПЦ. На трубопроводы, сооруженные из высококачественных труб ПНЗ, строители с уверенностью давали юридическую гарантию пять лет, а безаварийный срок эксплуатации – 20 и более лет.

В тот первый свой приезд Айдуганов и Чახеев долго сидели в кабинете Отто Вольфовича. Хозяин поил их чаем и засыпал вопросами: где будете строить? Из какой стали сделали установку? На каких расчетах основывается размер муфт? Когда осенний уральский день сменился ранними сумерками, Рабинзон предложил гостям заночевать здесь же, расположившись на протертом диване и нескольких составленных в ряд стульях. В те годы это было делом обычным: номер в гостинице даже командированным от государственных организаций не всегда доставался, и приезжие с радостью довольствовались любой крышей над головой. На сле-

дующее утро, загрузив в кузов грузовика 173 трубы, составлявшие те самые тысячу метров, и даже с полуметровым «хвостиком», предприниматели пустились в обратный путь.

Дома отдыхать было некогда: их уже ждали в Лениногорске. Именно в Лениногорском нефтегазодобывающем управлении предстояло построить первые метры опытного участка нефтепровода из металлопластмассовых труб, соединенных неразъемными муфтами.

Лениногорское управление считалось первенцем татарстанской нефти: в числе разрабатываемых им площадей было Шугуровское месторождение, на котором еще в 1943 году были получены первые тонны промышленной нефти «второго Баку». Именно Лениногорское подразделение Татнефти стало полигоном для промышленного внедрения научных технологий добычи нефти в Татарстане. Сейчас, спустя почти полвека, инженерам приходилось решать новые, еще более сложные задачи – как поддерживать нефтеотдачу истощенных девонских пластов, обновлять стремительно стареющее оборудование. Первоочередными проблемами стали надежная система транспортировки добываемой из недр агрессивной жидкости, а также сопутствующая ей – сохранение чистоты водных и земных ресурсов. Поэтому руководство НГДУ с интересом отнеслось к предложению Центра НТТМ о строительстве опытного участка трубопровода с неразъемными муфтовыми соединениями вместо традиционных сварных швов.

Айдуганов знал лениногорцев как сторонников перспективных технических новшеств. Помимо этого, сотрудничество с ними было удобным, потому что небольшой, с вековым провинциальным укладом Лениногорск располагался всего в тридцати километрах от Бугульмы.

Главный инженер Галимов подъехал к управлению одновременно с ними. Пожимая прибывшим руки, посетовал:

- В ЦДНГ-1 пришлось срочно выехать. Опять порыв, вызывали ремонтные бригады. Система нефтесбора ни к черту не годится, трубы постоянно выходят из строя. В одном месте залатали – жди, где завтра прорвет. Надо что-то с этим делать, но кардинального решения нет. Понятно, когда разваливаются старые трубы. Но и новая труба через полгода дает течь! Это деньги на ветер, огромные деньги.

- Разиф Хиразетдинович, мы как раз и предлагаем радикальное решение.

- Читал я ваши предложения, начальник НГДУ мне их передал. Красиво написано, но надо посмотреть, что на деле получится. Если бы хоть где-нибудь делали подобным образом, было бы с чем сравнить. Я уж по своим каналам в Главке справки навел – не знаем, говорят, такой технологии. Поэтому решил, что попробуем на маленьком участке, подальше от любопытных глаз. Если из этого что-то хорошее получится, представим в Татнефти. А не выйдет – никто на меня пальцем показывать не будет. Айда, поедem, покажу, где работать будете.

Отправились в галимовском уазике. Ехали мимо лесистых холмов, расцвеченных тусклым золотом поздней осени, по берегу извилистой речки Шешмы.

- Наш район называют родниковый край, - увлеченно рассказывал попутчикам главный инженер. – Сколько себя помню, в каждой деревне пили исключительно ключевую воду. Травяной чай на такой воде – лекарство от всех болезней. Только в последние годы родники и луга отравлены солеными пластовыми водами. Нефть добываем, а природу губим. Такие дела...

Участок под опытную нитку нефтепровода находился на вершине холма, и через несколько дней айдугановская бригада приступила к работе. Однако ее пришлось прервать в тот же день: буквально на второй муфте сломалась новенькая, замечательная установка. Вячеслав Михайлович засел за расчеты, внес конструктивные поправки. В Ишимбае в срочном порядке был сделан другой, усовершенствованный образец, который работал безотказно.

Но теперь не хватало практических навыков. Плеть собирали вручную. Это впоследствии для монтажа в полевых условиях будет создана поточная автономная мобильная технологическая линия. Вдоль трассы будет двигаться трактор с прицепленными к нему санями, на которые укладываются трубы и соединительные элементы. Гидравлическую установку разместят над санями, и она будет работать от гидросистемы трактора. Пока же звенья будущей трассы пере-

таскивали вручную, а каждая шестиметровая труба весила около центнера. И это еще были тонкие внутрипромысловые трубы, 114-го диаметра – именно с них начинали внедрять технологию неразъемного муфтового соединения.

Так вот, о нехватке практических навыков. Через несколько дней произошел второй казус: когда была собрана уже довольно длинная плеть, под собственной тяжестью она съехала с холма и, набирая скорость, понеслась вниз. А там, через овраг, стояла ГЗУ – групповая замерная установка, предназначенная для автоматического замера жидкости, получаемой из скважин. К счастью, плеть, весившая несколько тонн, спружинив перед оврагом и взмыв одним концом вверх, перелетела его и улеглась рядом с установкой, не повредив ее. Все, кто наблюдал сверху этот головокружительный трюк, облегченно выдохнули: обошлось без жертв и разрушений, а главное, ни один стык не сломался.

Вскоре экспериментальный участок трубопровода был подключен к системе нефтесбора. Он успешно выдержал гидравлические испытания с коэффициентом почти 2 вместо 1,25, как положено по СНиПу. Нефтяники остались довольны и в ожидании, как покажет себя неразъемное муфтовое соединение в эксплуатации, выделили подрядчикам новые объемы.

Слух об удивительной технологии быстро разлетелся по объединению «Татнефть», и руководители многих подразделений заинтересовались новшеством. Однажды на объект

приехали главные инженеры нескольких НГДУ, чтобы увидеть рабочий процесс своими глазами. Вот как об этом вспоминает ведущий инженер, мастер-конструктор ИПЦ Игорь Ахметов:

- Мы работали на трассе, тащили очередной трубопровод. Дело было зимой. Бригада небольшая, три человека. Приехала к нам группа специалистов и просят показать, в чем суть технологии, как мы ухитряемся за пару минут сделать стык. Для сравнения: методом сварки стык делается минут двадцать, причем работают несколько человек, ведь стык надо соединить очень плотно, без зазоров. Мы показали не торопясь, специально, чтобы можно было посмотреть нашу работу. И вот стык готов. Гости стоят молча и словно еще чего-то ждут. Наконец один из них, прокашлявшись, произносит: «А можно еще раз? Признаться, мы ничего не поняли!» Повторять пришлось раза четыре. Потом были вопросы, восхищенные возгласы, пожатие рук... Некоторые из них впоследствии стали нашими заказчиками.

*

За четыре года на промыслах управления «Лениногорскнефть» было смонтировано более тридцати километров нефтепроводов. Они работали без единой аварии два десятка лет. Сотрудничество с лениногорскими нефтяниками позволило молодой фирме встать на ноги и выжить в непростой период развала Советского Союза.

КСТАТИ

Вспоминает Вячеслав Владимирович Ануфриев, начальник технического отдела ИПЦ в 2007 – 2017 гг.:

Говоря о партнерах Инженерно-производственного центра, в первую очередь надо назвать компанию «Татнефть». Во-первых, большинство сотрудников нашего общества в период его становления были выходцами из института «ТатНИПИнефть», и их разработки были связаны, в том числе, с интересами татарстанских нефтяников. Во-вторых, первый трубопровод был смонтирован на территории НГДУ «Ленингорскнефть». Да и в дальнейшем было немало примеров совместной работы с «Татнефтью». Это плодотворное сотрудничество продолжалось с 1989 по 1996 год, затем было возобновлено в 2000-м году.

Например, в структуре НГДУ «Альметьевнефть» существовало подразделение, которое занималось вопросами борьбы с коррозией. Именно через них проходили все внедрения разработок. Для нас это тоже было актуально, поскольку в своей деятельности мы занимались именно этой проблематикой. Чтобы продукция была одобрена для использования в «Татнефти», в этом подразделении проводили ее испытания. Разумеется, в первую очередь они были заинтересованы во внедрении разработок собственной компании. Но, надо отдать им должное, когда видели, что наши изделия по своим параметрам лучше, давали объективные оценки и не чинили надуманных препятствий.

Глава 6.

Накануне

- Опять все бумаги отсырели! Не закрывайте дверь, пусть комната проветрится!

Людмила Исрафилова раскладывала на письменном столе исписанные листы с печатями и без, графиками, списками...

- Это же документы на регистрацию предприятия: решение общего собрания, проект Устава... И все это скоро плесенью покроется в нашем подвале!

Примерно так начиналось каждое утро с тех пор, как Центр научно-технического творчества молодежи съехал из горкома комсомола. Оставаться там дальше не было смысла, поскольку народу прибывало, так что хозяева кабинета – инструкторы – стали чувствовать себя скорее гостями. В последние несколько месяцев в Центр пришли работать Марина Альбертовна Кобыш, Александр Анатольевич Осипов, Лидия Георгиевна Киселева, Ильшат Мухамадеевич Минибаев. Чахеев убедил перейти в Центр свою супругу Зою Михайловну, так что в коллективе постепенно складывалось крепкое семейное ядро.

Кроме того, у фирмы появилось множество дел чисто производственных, связанных с монтажом первых трубопроводов, обеспечением муфтами, трубами... Все это вносило

диссонанс в горкомовскую бумажно-организационную работу. Наступил день, когда ЦНТТМ – детище комсомола – повзрослело и решило жить самостоятельно.

Никого не смущало то, что пока что приходилось ютиться в сыром полуподвале. Именно здесь 21 октября 1990 года на общем собрании было решено, что пора сменить и статус предприятия, чтобы юридически окончательно отделиться от государственного ведомства. Предложенное руководителем новое название – Инженерно-производственный центр – отражало идею Айдуганова о реализации собственных технических идей и разработок в промышленной сфере. Затем директор с главбухом долго трудились над Уставом, поскольку каких-либо внятных рекомендаций на эту тему еще не существовало. В документе подчеркивалось, что ИПЦ является правопреемником Центра научно-технического творчества молодежи. Так и было на самом деле: идеи ЦНТТМ были перенесены в более широкие рамки, дающие возможности для развития. Устав был зарегистрирован решением исполкома Бугульминского горсовета депутатов за номером 404 от 13 декабря 1990 года. Однако датой реорганизации считается 15 июля 1995 года; именно тогда Устав предприятия был зарегистрирован в администрации города Бугульмы за номером 605.

Через десять дней, 24 декабря 1990 года, вышел Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности», на-

прямую касающийся только что зарегистрированного ИПЦ. Это был своеобразный новогодний подарок бугульминским предпринимателям, поскольку равнял их в правах с любыми предприятиями страны, независимо от формы собственности, числа работающих или денежного оборота.

- Получается, что юридически мы и, к примеру, Бугульминский механический завод можем разговаривать на равных?! – допытывался Ирек Зарипов у бухгалтера Розы Валитовой, разливая шампанское. – И теперь мы можем размещать у них заказы на изготовление муфт официально, как, например, «Татнефть», а не через нашу Зину Ильину, потому что она жена директора завода?

- Конечно, дорогой, все можем! – протягивая Иреку через стол свой пустой бокал, успокаивал его Айдуганов. – Надеюсь, что и первоуральцы увеличат нам объемы. Давайте-ка поднимем тост за уходящий год, скажем ему спасибо за все хорошее. Ведь у нас появилась уверенность в том, что делаем нужное дело. Мы поняли, что с любыми трудностями можно справиться. Нашу технологию оценили нефтяники, и можно надеяться, что в будущем году развернемся шире.

Новогоднее застолье совпало с новосельем: ИПЦ выбрался из полуподвала и арендовал две комнаты в здании машиностроительного техникума. Уходящий год, действительно, вместил в себя немало важных событий, и провожали его в приподнятом настроении. Всем приятно было говорить о дне завтрашнем, строить планы.

- Вячеслав Михайлович, на девятиметровую трубу когда перейдем? С шестиметровой много мороки, да и муфт надо гораздо больше.

- Завод уже достраивает цех специально под наши заказы, в ближайшее время начнем отгружать девятиметровые. А в перспективе уральцы обещают перейти на трубы длиной до 12 метров, самые удобные для нефтепроводов. Надеюсь, что со временем освоим и большие диаметры, начнем магистральные трассы строить!

- Ну, замахнулся, Михалыч! Это ж серьезное дело. Для большого диаметра, наверно, нужны и патенты, и куча всяких согласований с надзорными ведомствами?

- Надеюсь, скоро получим патент на технологию неразъемного соединения труб. Заявку и все материалы еще в июле в Роспатент отправили.

Да, все это были прекрасные новости. Действительно, сотрудничество с Первоуральским новотрубным заводом оказалось столь продуктивным, что его руководство приняло нетривиальное решение – построить цех для производства труб, футерованных полиэтиленом, специально под потребности ИПЦ. В течение нескольких ближайших лет именно это обеспечило бугульминское предприятие основными комплектующими для строительства трубопроводов, что, в свою очередь, расширило их возможности поиска новых заказчиков.

Что касается таких расходных материалов, как соедине-

тельные муфты и вкладыши – где их только ни делали! В Первоуральске, Ишимбае, на Комбинате строительных конструкций и на механическом заводе в Бугульме... Ведь комплектующих требовалось огромное количество. К примеру, когда монтировали короткие шестиметровые трубы, на каждый километр трассы уходило 166 комплектов.

Спасибо ленингорцам, выделявшим все новые участки под строительство трасс: это давало предпринимателям средства на приобретение оборудования и на зарплату. Хотя, честно говоря, денег не хватало. Чтобы работать не в ноль, нужны были большие объемы, а значит – люди, транспорт, комплектующие... На все это, опять-таки, требовались средства. Пока что вырваться из этого замкнутого круга было трудно.

Особенно волновала Вячеслава Михайловича проблема оплаты работникам. Он видел, что люди тянут от зарплаты до зарплаты. При этом никто не жаловался, ведь каждый сам сделал свой выбор и понимал, что успех предприятия зависит и лично от него. Но долго так продолжаться не могло.

Айдуганов чувствовал это по обстановке в собственной семье. То, что он зарабатывал, целиком уходило на развитие предприятия, а нередко приходилось что-то отламывать из семейного бюджета. Больше двух лет они жили практически на зарплату супруги, и она ни разу не упрекнула его в этом. Но на днях Надежда вернулась из института сама не своя и сообщила, что попала под сокращение. Почему выбор

начальства пал именно на нее, опытного и добросовестного сотрудника, можно только догадываться. Правда, думать, что это как-то связано с тем его конфликтом, не хотелось. Да и какая теперь разница? Надо решать, как содержать семью дальше.

Конечно, на этот счет были планы. Уже велись переговоры с башкирскими нефтяниками, и они настолько заинтересовались бессварочной технологией, что готовы были дать объемы под строительство. Теперь у ИПЦ был опыт в этом деле, а главное, прекрасные рекомендации их первого заказчика – Лениногорского НГДУ. Только бы все сложилось так, как задумано!

Эту фразу Айдуганов повторял про себя неоднократно, и при этом не мог отделаться от тревожащих его мыслей. Они касались не его лично или людей, с которыми он работал – здесь все было надежно. Но не помешают ли им какие-то внешние обстоятельства? Обстановка вокруг них становилась все более непонятной и тревожащей, и у многих появилось ощущение, что дом, в котором они спокойно жили, обветшал и зашатался. В каком месте ставить подпорки, чтоб окончательно не обвалилась крыша, было непонятно, потому что хлипких мест прибавлялось с каждым днем.

Шла война в Нагорном Карабахе. Литва, а вслед за ней еще шесть союзных республик провозгласили независимость и заявили о выходе из СССР. Из Конституции была исклю-

чена шестая статья о руководящей роли КПСС. Был обнародован пятилетний план поэтапного перехода к рыночной экономике. Россия приняла Декларацию о суверенитете. На последнем, 28-м съезде КПСС, Ельцин заявил о выходе из партии и демонстративно покинул съезд. Его примеру последовали многие другие демократы. Наконец, в августе начался ожидаемый «парад суверенитетов», и одним из первых принял Декларацию о государственном суверенитете Татарстан. На фоне всех этих событий обострился экономический кризис. Привычный спутник социализма – дефицит – принял патологические формы. Народ сметал с прилавков любые продукты и промтовары, которые еще появлялись в продаже. В прошлом году были введены талоны на крупы, сахар, мясо и даже водку.

Комбинационное мышление шахматиста, умение просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед приводили Вячеслава Михайловича к выводу, что все это – лишь начало еще более глобальных перемен. Каких? – Он пока не знал. Это был вопрос, с которым Айдуганов и его небольшая команда – часть 280-миллионного народа пока еще советской страны – встречала новый, 1991 год.

КСТАТИ

Отто Вольфович Рабинзон:

- Начало было трудным. У Айдуганова было несколько человек. Он сам выдавал им рукавицы, сам мотался с ними по объектам. К его техническому таланту прилагалась огром-

ная энергия. Надо было не только придумать саму технологию, но и создать документацию, согласно которой можно было бы смонтировать трубопровод. Там существуют колоссальные требования со стороны экологов, организаций, контролирующих безопасность работ, и прочее.

...Трубы эти достаются нефтяникам практически даром. Ведь если обычные трубы работают у них в течение одного-двух, максимум трех лет, с сопутствующими порывами, то эти трубы стоят у них 20 лет без единого порыва. За это время они уже стали в 20 раз дешевле. Плюс отсутствие всех забот, связанных с ликвидацией порывов – а это во много раз дороже, чем сами трубы!

<https://yandex.ru/video/preview/17215870536971159796>

Глава 7.

Передвигая границы

- Утром выхожу из дома, смотрю, Александра Кузьминична гусей со двора спроваживает, а сама носом шмыгает и слезы утирает. Я перепугался, спрашиваю: «Мама, случилось что?» – «Лебединое озеро» по телеку крутят, по всем каналам одно и то же. Не иначе, опять генсек помер, или еще что похуже», – отвечает. Сергей, поверишь, мне так нехорошо на душе стало... С восьмидесят второго года, когда вместо концерта ко Дню советской милиции эта музыка на всю страну звучала, а потом объявили, что Брежнев умер, у меня на лебединый балет будто лампочка внутри выключается. Его же транслировали и на кончину Черненко, Андропова, Устинова... Как у собаки Павлова, условный рефлекс выработался: слышишь Чайковского – жди великих перемен.

- Да, Слава, дождались уж, - вздохнул Чახеев.

Стояла теплая августовская ночь. Они сидели в сених теплого дома, у заветного бочонка со смородиновым вином, которое у Александры Кузьминичны всегда получалось особенно вкусным. Каждое лето их семьи проводили здесь, в Богдановке, деревеньке километрах в шестидесяти от Бугульмы, на свежем воздухе, яблоках и помидорах со своего огорода. Лет десять назад, словно предвидя непростые времена, мать стала собирать своих четырех дочерей, разъехав-

шихся по другим городам, под свое крыло. Это она настояла на переезде в Бугульму Надежды с семьей, через несколько лет уговорила перебраться сюда семью Зои.

В последние годы большое тещино хозяйство стало для детей, еще не получавших особых доходов от предпринимательства, важным источником пропитания. Деревенская женщина, всю жизнь надеявшаяся только на себя, держала коров, свиней, домашнюю птицу и даже пчел, с которыми ей увлеченно стал помогать зять Сергей. В огороде сажали картошку и все, что шло на стол долгими зимами. Внуки обрабатывали грядки почти наравне со взрослыми. Родители в своем ИПЦ работали спокойно, зная, что дети под присмотром, при деле и в безопасном, тихом месте. Но и до Богдановки докатился августовский путч.

- Сережа, президент смещен, это же государственный переворот! В стране объявлено чрезвычайное положение. Для нас это чем обернется?

- Думаю, этого сейчас никто не знает. Пока лишь понятно, что на стороне КГЧП все силовики и армия, что они требует свернуть перестройку и сохранить СССР.

- Да ведь сколько республик уже вышли из его состава, не потащишь же их силком назад!

- Не знаю, Слава. Честно говоря, меня больше волнует не глобальная политика, а моя семья, наше дело. Хочу, чтоб нам наконец дали спокойно жить и работать. И то, что в Москву уже ввели войска, меня нисколько не радует...

- Да что мы тут можем сделать? Только работать, как работали. Жизнь-то не остановишь! Дело у нас в гору пошло, вот и будем его дальше двигать. Завтра едем в Октябрьский, там Семенов уже ждет, надо посмотреть новый объект, обсудить кое-какие детали.

*

Семенов был главным инженером НГДУ «Туймазанефть». Именно он, узнав о технологии муфтового соединения труб от татарстанских коллег, приехал в Лениногорск, чтобы увидеть все собственными глазами, заинтересовался и предложил Айдуганову построить опытный участок на площадях своего управления.

Башкирские нефтяники – не только ближайшие соседи, но и «старшие братья» татарстанских промысловиков, поскольку открытие и разработка нефтегазовых месторождений Волго-Уральского нефтеносного района в конце тридцатых годов прошлого века шла именно отсюда. Геологи и буровики продвигались на северо-запад, от Туймазинского, Шугуровского и десятков других месторождений к мировой жемчужине – Ромашкинскому. Технологии строительства скважин, способы освоения нефтеносных пластов, профессиональные кадры – все это, подобно эстафете, переходило в Татарию и со временем в усовершенствованном виде вновь передавалось башкирским коллегам. Взаимный обмен обогащал и тех, и других.

Одним из таких примеров стало сотрудничество с ИПЦ.

На Туймазинском месторождении к началу девяностых была выработана основная часть запасов, что потребовало комплексной реконструкции всех систем – поддержания пластового давления, подготовки нефти и, конечно же, системы ее сбора. Поэтому поиск вариантов строительства трубопроводов был актуальной темой.

На приемку экспериментального участка съехалось начальство соседних НГДУ. Дело было в конце февраля 1991-го, и морозы стояли нешуточные. Главные специалисты управлений в полушубках и норковых ушанках окружили строителей. Айдуганов, Чახеев и Зарипов, в промасленных робах и брезентовых рукавицах совсем непохожие на руководителей, показывали стыки, объясняли, как работает установка, доказывали преимущество муфтовой технологии над сварной... Получилась настоящая презентация, хотя тогда это понятие еще не вошло в общий лексикон. В результате в тот день Инженерно-производственный центр получил еще одного заказчика – управление «Чекмагушнефть». Так бугульминцы уверенно шагнули за границу Татарстана.

Первые километры башкирский трасс дались нелегко. Сложно было обеспечить бесперебойное снабжение объектов комплектующими – трубами, муфтами, отводами... Спасибо первоуральцам, они по заявкам ИПЦ оперативно освоили выпуск девятиметровых, а вскоре и 12-метровых труб. Их возили бортовым КАМАЗом, который курсировал туда и обратно по 200-километровому маршруту практиче-

ски непрерывно. Параллельно с монтажом шел процесс усовершенствования установки, поскольку в полевых условиях недочеты ее конструкции оборачивались вынужденными простоями. В результате от первоначального варианта этого оборудования мало что осталось, и теперь в руках строителей был надежный механизм, позволяющий методично «наматывать» километры трубопровода. Дело пошло настолько споро, что за три зимних месяца удалось смонтировать 24 километра труб; это был первый рекорд по производительности труда. Этот показатель стал отправной точкой, и на каждом новом участке трассы строители только превышали его.

Сейчас, в конце августа, руководители ИПЦ ехали на объект, чтобы зафиксировать новое достижение скоростной прокладки: за смену бригада должна была смонтировать 1200 метров трассы. Повод был радостным, а настроение подавленным. По дороге в автомобиле крутили ручку радиоприемника, пытаясь поймать новостную волну, узнать, как разворачиваются события в столице, а значит, и в стране. На предуральских холмах радио ловило плохо. По обрывкам сообщений можно было понять, что Белый дом окружила многотысячная толпа сторонников демократических преобразований, что войскам в любую минуту могут отдать приказ разгонять демонстрантов, однако пока что обстановка, накалившаяся до предела, не переходит в вооруженное столкновение. И то хорошо, - решили попутчики.

Главный инженер «Туймазанефть» Семенов и начальник производственно-технического отдела Юсупов уже ждали их на объекте. По тому, как оживленно разговаривали они с рабочими, как все смеялись и хлопали друг друга по плечам, издали было ясно, что дело сделано.

- 1200 метров проходки, причем короткими, шестиметровыми трубами. Сделали двести стыков за смену! Если дальше пойдем в таком темпе, можно будет говорить уже о серьезных объемах, а не о коротких отрезках трубопроводов, - доложили приехавшим.

Это было именно то, к чему они стремились, создавая предприятие. Но под большие объемы надо было срочно расширять «тыл»: увеличивать заказы на новотрубном заводе, приобретать дополнительный грузовой транспорт, принимать новых рабочих... А, главное, как считал Айдуганов, создавать собственную производственную базу. Цеха, в которых самим футеровать трубу, производить мелкие комплектующие. Под свои объемы, в нужные сроки и с требуемым качеством. С некоторых пор собственный завод стал его мечтой, которая с каждым днем обретала все более осязаемые очертания.

Но под производственную базу надо было, как минимум, добиться отвода земли, а это дело долгое и трудное. Пока же он решил найти наконец для предприятия не арендованное, а собственное помещение, более просторное и удобное, нежели то, в котором ютились сейчас.

На этот счет у Айдуганова появилась интересная идея. В Бугульме, как и в других городах, было немало детских дворовых (их еще называли подростковыми) клубов, где ребята после школы занималась спортом, рукоделием или, к примеру, училась играть на гитаре – выбор зависел от того, каких преподавателей удавалось сюда привлечь. До недавнего времени над каждым таким клубом шефствовало одно из городских предприятий: делало в помещении ремонт, приобретало спортивный инвентарь, заливало каток или обустривало футбольное поле... Когда же накатил экономический кризис, шефы сами затянули потуже пояса и всю «социалку» передали на баланс города. А там известно, какой баланс, если в 1991-м году только по официальным данным инфляция составила 96 процентов, а реально доходила до двухсот!

Значит, - решил Вячеслав Михайлович, - надо взять под опеку один такой дворовый клуб и в нем же несколько помещений отдать своим инженерно-техническим работникам. Тогда и подростки будут всегда под приглядом, и у нас появятся хорошие рабочие места. То, что для предприятия, еще не вставшего на ноги, это дополнительные финансовые затраты, да и отвлечение персонала на общественную работу – организацию детского досуга, он, конечно, понимал, но сознательно шел на это. Ведь, как бы то ни было, он и его люди нашли себя в этом новом мире, а большинству вокруг жилось гораздо труднее. Горожане теряли работу, доходы семей падали, в заботах о хлебе насущном многим становилось не

до воспитания детей. Подростки обитали на улицах и привыкали жить по законам стаи, росла детская преступность. Как же можно развивать свое дело и зарабатывать, не думая о завтрашнем дне? Для чего тогда все это? И пусть у них не так много возможностей, они будут делать, что могут.

На улице Алиша нашелся подходящий подростковый клуб с подходящим же названием – «Перспектива». Городские власти согласились передать его под офис, и помещение в 240 квадратных метров перешли в распоряжение ИПЦ. Новые хозяева взяли клуб под свое крыло. Здесь работали несколько кружков: девушки занимались рукоделием, мальчики изучали азы электротехники, ученицы восьмых классов могли овладеть машинописью.

На должность заведующей он пригласил Надежду Николаевну Парфирьеву, с которой был хорошо знаком: до этого она работала в городском шахматном клубе. С ее приходом клубная жизнь закипела. Здесь постоянно проводились разнообразные конкурсы, соревнования, игры, праздники. Шефы приобретали для ребят призы и подарки, и состязание за них придавало особый азарт каждому мероприятию. На Новый год устраивались общие елки – для детей сотрудников и тех, кто занимался в клубе. Педагог с детьми сами шили костюмы Деда Мороза, Снегурочки, сказочных персонажей. Летом в клубе работал лагерь: детей водили в бассейн, кино, на детские площадки. Предприятие также выделяло деньги, чтобы отправить своих подопечных в загородные лагеря. Это

было контрастом с унылыми школьными буднями, с обстановкой озабоченности, царившей в семьях, потому дети любили проводить время в «Перспективе».

Самого Айдуганова особенно радовало то, что удалось организовать в клубе шахматную секцию, и для нее нашлась хорошая руководитель. С Ольгой Федоровой они вместе участвовали в чемпионатах города, она была одной из сильнейших шахматисток Бугульмы, кандидатом в мастера спорта. Затем девушка уехала учиться в Казань, и он встретил ее лишь пять лет спустя.

- Чем занимаешься, Оля?

- Работу ищу, Вячеслав Михайлович. Мой университетский диплом здесь никому не нужен. Сами же знаете: кандидаты наук сейчас улицы подметают.

- Так пойдем к нам, будешь шахматной секцией руководить!

Директор выделил шахматистам помещение, купил для них столы, шахматы, часы, литературу – все, что необходимо для серьезных теоретических и практических занятий. Как только выкраивалось свободное время, он сам заглядывал в секцию: «Ольга, сыграем?» Айдуганов был сильным соперником, он твердо входил в десятку сильнейших в городе. Ольга Ивановна знала, что в шахматах он был самоучкой, и отлично представляла, какой нужен блестящий ум, сколько усидчивости, чтобы без чьей-либо помощи достичь таких высот. Еще больше ее поражала та любовь и преданность, с

которой Вячеслав Михайлович отдавался своему увлечению. Ведь, несмотря на огромную занятость, он регулярно приходил в городской шахматный клуб, был постоянным участником турниров. Словно шахмат ему было мало, тоже самостоятельно, по книгам, освоил нарды и стал чемпионом Бугульмы в этой игре.

Но главное - шахматы, как и все, чем он занимался в жизни, были для Айдуганова ценностью, которой ему хотелось поделиться с другими, одарить своей радостью как можно больше людей. Поэтому он и кружок в подростковом клубе открыл, по этой же причине в 2002 году организовал ежегодный шахматный турнир на приз Инженерно-производственного центра. Этот турнир проводится уже больше двадцати лет, и в последние годы он носит имя своего основателя. Побороться за приз Вячеслава Айдуганова съезжаются спортсмены из многих городов Татарстана и даже соседних республик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.